

**ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР
ТЮМЕНСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР
СИБИРСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК**

ВЕСТНИК АРХЕОЛОГИИ, АНТРОПОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ

Сетевое издание

**№ 3 (54)
2021**

ISSN 2071-0437 (online)

Выходит 4 раза в год

Главный редактор:

Багашев А.Н., д.и.н., ТюмНЦ СО РАН

Редакционный совет:

Молодин В.И. (председатель), акад. РАН, д.и.н., Ин-т археологии и этнографии СО РАН;
Бужилова А.П., акад. РАН, д.и.н., НИИ и музей антропологии МГУ им М.В. Ломоносова;
Головнев А.В., чл.-кор. РАН, д.и.н., Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого РАН (Кунсткамера);
Бороффка Н., PhD, Германский археологический ин-т, Берлин (Германия);
Васильев С.В., д.и.н., Ин-т этнологии и антропологии РАН; Лахельма А., PhD, ун-т Хельсинки (Финляндия);
Рындина О.М., д.и.н., Томский госуниверситет; Томилов Н.А., д.и.н., Омский госуниверситет;
Хлахула И., Dr. hab., университет им. Адама Мицкевича в Познани (Польша);
Хэнкс Б., PhD, ун-т Питтсбурга (США); Чиндина Л.А., д.и.н., Томский госуниверситет;
Чистов Ю.К., д.и.н., Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого РАН (Кунсткамера)

Редакционная коллегия:

Агапов М.Г., д.и.н., ТюмНЦ СО РАН; Аношко О.М., к.и.н., ТюмНЦ СО РАН;
Валь Й., PhD, Общ-во охраны памятников Штутгарта (Германия);
Дегтярева А.Д., к.и.н., ТюмНЦ СО РАН; Зах В.А., д.и.н., ТюмНЦ СО РАН;
Зими́на О.Ю. (зам. главного редактора), к.и.н., ТюмНЦ СО РАН; Ключева В.П., к.и.н., ТюмНЦ СО РАН;
Крийска А., PhD, ун-т Тарту (Эстония); Крубези Э., PhD, ун-т Тулузы, проф. (Франция);
Кузьминых С.В., к.и.н., Ин-т археологии РАН; Лискевич Н.А. (ответ. секретарь), к.и.н., ТюмНЦ СО РАН;
Печенкина К., PhD, ун-т Нью-Йорка (США); Пинхаси Р., PhD, ун-т Дублина (Ирландия);
Пошехонова О.Е., ТюмНЦ СО РАН; Рябогина Н.Е., к.г.-м.н., ТюмНЦ СО РАН;
Ткачев А.А., д.и.н., ТюмНЦ СО РАН

Утвержден к печати Ученым советом ФИЦ Тюменского научного центра СО РАН

Сетевое издание «Вестник археологии, антропологии и этнографии»
зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
Свидетельство Эл № ФС77-71754 от 8 декабря 2017 г.

Адрес: 625026, Тюмень, ул. Малыгина, д. 86, телефон: (345-2) 406-360, e-mail: vestnik.ipos@inbox.ru

Адрес страницы сайта: <http://www.ipdn.ru>

© ФИЦ ТюмНЦ СО РАН, 2021

**FEDERAL STATE INSTITUTION
FEDERAL RESEARCH CENTRE
TYUMEN SCIENTIFIC CENTRE
OF SIBERIAN BRANCH
OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES**

VESTNIK ARHEOLOGII, ANTROPOLOGII I ETNOGRAFII

ONLINE MEDIA

**№ 3 (54)
2021**

ISSN 2071-0437 (online)

There are 4 numbers a year

Editor-in-Chief

Bagashev A.N., Doctor of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS

Editorial board members:

Molodin V.I. (chairman), member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of History,
Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
Buzhilova A.P., member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of History,
Institute and Museum Anthropology University of Moscow
Golovnev A.V., corresponding member of the RAS, Doctor of History,
Museum of Anthropology and Ethnography RAS Kunstkamera
Boroffka N., PhD, Professor, Deutsches Archäologisches Institut, Germany
Chindina L.A., Doctor of History, Professor, University of Tomsk
Chistov Yu.K., Doctor of History, Museum of Anthropology and Ethnography RAS Kunstkamera
Chlachula J., Doctor hab., Professor, University of a name Adam Mickiewicz in Poznan (Poland)
Hanks B., PhD, Professor, University of Pittsburgh, USA
Lahelma A., PhD, Professor, University of Helsinki, Finland
Ryndina O.M., Doctor of History, Professor, University of Tomsk
Tomilov N.A., Doctor of History, Professor, University of Omsk
Vasilyev S.V., Doctor of History, Institute of Ethnology and Anthropology RAS

Editorial staff:

Agapov M.G., Doctor of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS
Anoshko O.M., Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS
Crubezy E., PhD, Professor, University of Toulouse, France
Degtyareva A.D., Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS
Kluyeva V.P., Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS
Kriiska A., PhD, Professor, University of Tartu, Estonia
Kuzminykh S.V., Candidate of History, Institute of Archaeology RAS
Liskevich N.A. (senior secretary), Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS
Pechenkina K., PhD, Professor, City University of New York, USA
Pinhasi R. PhD, Professor, University College Dublin, Ireland
Poshekhonova O.E., Tyumen Scientific Centre SB RAS
Ryabogina N.Ye., Candidate of Geology, Tyumen Scientific Centre SB RAS
Tkachev A.A., Doctor of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS
Wahl J., PhD, Regierungspräsidium Stuttgart Landesamt für Denkmalpflege, Germany
Zakh V.A., Doctor of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS
Zimina O.Yu. (sub-editor-in-chief), Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS

Address: Malygin St., 86, Tyumen, 625026, Russian Federation; mail: vestnik.ipos@inbox.ru
URL: <http://www.ipdn.ru>

Перевалова Е.В.

Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
Университетская наб., 3, Санкт-Петербург, 199034
E-mail: Elena_Perevalova@mail.ru

ТРАНСФОРМАЦИЯ ТРАДИЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ И ПРИЕМОВ ВЫПАСА ОЛЕНЕЙ НА КОЛЬСКОМ ПОЛУОСТРОВЕ В XX — НАЧАЛЕ XXI в.

Положенные в основу статьи полевые материалы экспедиции 2018 г. позволили еще раз обратиться к вопросу трансформации традиционных саамских и коми-ижемских технологий и приемов выпаса оленей на Кольском полуострове в XX — начале XXI в. Этническая специфика в современном кольском оленеводческом миксе, обусловленном этническими заимствованиями и внушительным комплексом советских и постсоветских трансформаций, прослеживается во многом уже только в воспоминаниях старых оленеводов.

Ключевые слова: оленеводство, саами (лопари), коми-ижемцы, Кольский полуостров, технологии, традиции, новации, конец XIX — начало XXI в.

Кольский полуостров издавна был, да и сегодня остается оленеводческим краем. При сравнении с другими оленеводческими регионами России кольское оленеводство обнаруживает ряд уникальных особенностей. Они касаются технологий, приемов, инструментария выпаса оленей и организации оленеводческого хозяйства. Это обусловлено, с одной стороны, историей становления кольского оленеводства, с другой — внешними факторами: полуостровным положением и спецификой ландшафта, относительно высокой населенностью региона, развитостью его экономической и транспортной инфраструктуры, сравнительно близким соседством к рынкам сбыта, включая скандинавские страны.

Кольское оленеводство удостоивалось внимания многих исследователей, среди прочих особо следует выделить работы Н.Н. Харузина [1890], В.В. Чарнолуского [1930а, 1930б], Т.В. Лукьянченко [1971], Н.Д. Конакова и О.В. Котова [Конаков и др., 1984; Конаков, 1986; Конаков, Котов, 1991], Л.В. Хомич [1999], К.Б. Клокова и С.А. Хрущева [2013], Ю.Н. Константинова [Konstantinov, 2015; Konstantinov, Vladimirova 2006], К.В. Истомина [2015, 2017]. В этой связи должно отметить и недавно вышедшую монографию «Арктика: атлас кочевых технологий» [Головнев и др., 2018]. Цель данной статьи — акцентное представление трансформации технологий и приемов выпаса оленей и ценностных ориентаций кольских оленеводов в XX — начале XXI в. в этнокультурном ключе.

В основу настоящей работы положены материалы экспедиции 2018 г. на Кольский полуостров, проводившейся в рамках проекта «Мобильность в Арктике: этнические традиции и технологические инновации» (РНФ, 2014–2017, рук. А.В. Головнев), ориентированного на изучение кочевых технологий («жизни-в-движении») и потенциала северного номадизма [Головнев, 2014]. Основные материалы собраны в зоне активного взаимодействия саами, коми-ижемцев и ненцев — в с. Ловозеро и Ловозерских тундрах (олeneводческие бригады СХПК «Тундра», бывшие колхозы и совхозы «Тундра» (с. Ловозеро), «Вперед» (с. Чудзьярв), «Доброволец» (с. Воронье), «Искра» (с. Иоканьга)).

Основанная на системно-аналитическом подходе, статья выстроена в формате нарративного дискурса [Брокмейер, Харре, 2000], где «слово» в значительной степени предоставлено самим кольским оленеводам. Переосмысление жизненного опыта старшего поколения и их критическое отношение к сегодняшним реалиям хозяйствования в оленеводческих кооперативах свидетельствуют об изменении этнических ценностей, на которых в значительной степени держалась индивидуальная и коллективная идентичность саами и коми-ижемцев.

От райды к «вахте»

Система кольского оленеводства сложилась вследствие срастания привнесенной на полуостров в конце XIX в. кочевой коми-ижемской оленеводческой культуры и местной полукочевой саамской. Саами (лопари) использовали оленя преимущественно как транспортное средство, а также в роли манщика в охоте на диких оленей. Стада были немногочисленны — от 5–6 до не-

скольких десятков голов на семью. Зимой лопари «жили в оленях», т.е. содержали их вблизи жилища с использованием изгородей и дымокуров, после отела отпускали в приморскую тундру на вольный выпас, а осенью вновь «имали» (собирали) под зимний надзор. Ездили, впрягая одного оленя в повозку в виде лодки (*кережу*) (рис. 1), грузы перевозили на вьючных оленях (*ташечных быках*) [Харузин, 1890, с. 104–108; Чарнолуцкий, 1930а, 1930b; Лукьянченко, 1971, с. 22–34, 59–62, 70–80; Хомич, 1999, с. 17].

Привнесенное на Кольский полуостров в конце XIX — начале XX в. из бассейна Печоры и Большеземельской тундры *ижемское оленеводство* сформировалось на основе заимствования коми-ижемцами у европейских самоедов (ненцев) кочевой оленеводческой культуры — от практики взаимодействия с северным оленем до мобильного образа жизни и основных компонентов кочевого быта (чум, одежда и обувь из оленьих шкур, упряжь и разные типы нарт, практики их запряжки и пр.) [Лашук, 1958]. Ижемским оленеводам были свойственны применение упряжки из 3–5 оленей и большое разнообразие нарт, меридиональная система кочевания по узким «коридорам» от тундры в лесотундру, четкие маршруты и частые перекочевки *райдами* (кочевыми оленьими караванами) (рис. 1), круглогодичное окарауливание стад с использованием собаки-оленегонки и наемных пастухов. Отличительная особенность ижемского оленеводства — крупностадность и рыночный характер: освоив кольские тундры, мигранты коми-ижемцы стремительно нарастили размеры стад (от 300 до нескольких тысяч голов на семью) и наладили широкую торговую сеть сбыта продукции оленеводства (мясо, замшевые и меховые изделия), что позволило им занять доминирующее положение в системе кольского оленеводства [Конаков, Котов, 1991]. По свидетельству В.В. Чарнолуцкого, несмотря на конфликтные отношения лопарских и ижемских оленеводов из-за конкуренции за пастбища и негативное отношение местных (лопарских) пастухов к привнесенной (ижемской) системе выпаса молодое поколение лопарских оленеводов уже в 1920–1930-х гг. выучилось «пасти по-новому», т.е. по-ижемски [1930а, с. 44; 1930b, с. 27–31, 75].

В конце 80-х гг. XIX в. в Кольских тундрах обосновалось несколько семей европейских ненцев (самоедов). В основном они нанимались в качестве пастухов и работников к ижемским и русским владельцам больших оленьих стад [Чарнолуцкий, 1930b, с. 31, 40–42].

Рис. 1. Игрушки из костей оленя: ижемская *райда* и саамская *кережа*. Краеведческий музей (Ловозеро). Фото Е.В. Переваловой.

Fig. 1. Toys from the bones of reindeers: the Izhma *райда* (reindeer sledgings) and Sami *кережа*. Local History Museum (Lovozero). Photo by E.V. Perevalova.

В советское время произошла трансформация кольского (как полукочевого саамского, так и кочевого ижемского) оленеводства. В основу колхозно-совхозной системы были положены коми-ижемская технология и практики оленеводства. Территории оленеводческих предприятий были разделены на бригадные «коридоры», тянущиеся от гор до морского побережья (с юга на север). Каждая бригада кочевала по своему маршруту, из года в год устанавливая чумы в одних

и тех же местах, что соответствовало ижемской системе кочевания с устойчивыми протяженными маршрутами-*эрга*, обеспечивавшими максимальное использование пастбищных ресурсов и одновременно снижение нагрузки на пастбища при выпасе больших стад [Истомин, 2015, с. 17–25]. На лето (с июня до сентября) бригады вставали стойбищем на рыбных угодьях, а оленное поголовье окарауливалось сменяющимися пастухами, которые пешком или на упряжках выезжали в стада. В кольском оленеводстве сложился так «называемый *бесчумный* летний выпас оленей, в котором можно усмотреть саамский элемент в ижемской системе оленеводства» [Головнев и др., 2018, с. 278].

С 1960–1970-х гг. бесчумный выпас постепенно был вытеснен *полувольным* отпуском оленей после отела, чему способствовали специфика кольского ландшафта (узкая полоса приморской тундры), истребление хищников и возможность контроля движения стад с помощью изгородей. Широкие изгороди отсекали лесотундровую полосу (осенне-зимне-весенние пастбища) от тундровой (летние пастбища), блокируя отход стад «в лес», где собирать оленей проблематично. Меридианно-широтные изгороди препятствовали смешению бригадных стад. В 1970-х гг. на бригадных маршрутах были поставлены стационарные оленеводческие базы [Там же, с. 278–280].

А.Ф. Лукин (саами, 1937 г.р., бывший бригадир 3-й бригады колхоза «Вперед»):

«От леса огораживание — это давняя теория, если в лес стадо уйдет, оттуда оленей уже не достать. Еще в начале семидесятых годов стали строить изгороди. Отец мой принимал участие в той стройке. Как БАМ была масштабной эта стройка. Колхоз сам, на свои деньги, строил. Тогда вездеходов мало было, проволоку и столбы оленями возили. Наша изгородь начиналась от села Воронье и тянулась до Лев-озера».

С.Н. Галкин (саами, 1944 г.р., пенсионер, бывший оленевод 4-й бригады левого крыла СХПК «Тундра»):

«Полувольный выпас оленей еще в совхозных хозяйствах стали применять. К морю оленей отпускали, когда мой отец бригадиром был. Это в шестидесятых. Тогда пастухи через день на смену ходили».

А.Н. Юрьева (саами, 1934 г.р., пенсионерка, бывшая чумработница 6-й бригады колхоза «Тундра»):

«Мы ездили с мужем больше сорока лет по тундре... До 1970-го или 1971-го года были колхозы, затем — совхоз. Наш колхоз был очень богатый. Я работала чумработницей. Стада были большие: в каждой бригаде по 3–4 тыс. оленей, а в отельное время — до 5 тыс. голов. Платили хорошо. В колхозе оленевод и доярка были самыми богатыми людьми. Чум большущий в нашем, шестом, стаде. Тогда и бригады были большие. По 9 человек было пастухов-то, еще оленетехник, женщины да ребята. Полный чум народу!»

Ездили *райдами*. Юркаешь оленей сама (от *юркать* — «перемещать», «двигать», в данном контексте — «отбирать/отлавливать оленей на упряжку». — Е. П.). Загонишь в юрки и запрягаешь. Когда снега нет, по шесть быков. Женские сани с будкой (традиционная нарта-кибитка. — Е. П.), там дети, а сама на полозе... Уля, потом Лена, Валя, Надя. Надя уже на возу сидела, в будку-то все не влазят. Еще четыре воза сзади было. Детей на санях подняли. Четыре дочери и два сына все выросли в малицах и тоборках (традиционной меховой одежде и обуви. — Е. П.).

В 1975 г. перестали ездить *райдами* и жить в чумах. К каждой бригаде прикрепили вездеход. На вездеходах стали перевозить весь скарб до баз: одна бригада — один большой чум. Совхоз обеспечивал чумы брезентами. На Шестую базу у Харловки приехали в 1964 году, там только один домик стоял, и одна лодка была. В корале осенью, когда просчет шел, с пяти часов пастухи на ногах. А после отела они больше чем на полгода в стадо уходили. Женщины на базе оставались с детьми. Сами рыбу ловили, раньше-то мы все на веслах... Считаю, все хозяйство на женщинах держалось. А сейчас у чумработницы все готовое, только вари или жарь, даже шить не умеют. Я не считаю их чумработницами!

Новые два дома и баня на базе были построены во времена совхоза. Тогда уже только по две чумработницы на бригаду было положено, остальных женщин, кто с мужьями ездил, перестали оплачивать, и то платили копейки. Женщин перестали оплачивать, дети перестали с семьями ездить в тундру, и пастухов не стало».

Переход к технологии изгородей и стационарных баз вместо круглогодичного кочевания сопровождался «снегоходной революцией». Снегоход появился в кольских оленеводческих бригадах относительно рано, еще в середине 1970-х гг. Прочно заняв позиции в транспортной схеме кольского оленеводства в конце 1990-х — первом десятилетии 2000-х гг., он обеспечил возможность мобильного контроля за стадом — «вахтовые» выезды пастухов на одну-две недели с ночлегами в избах и проживанием на базах во время коральных работ. Последствия растянутой по времени «снегоходной революции» для кольских оленеводов оказались серьезными — изменение инфраструктуры хозяйства, практик выпаса, деятельностных схем и режима работы оленеводов, включая разделение труда по функционально-транспортному признаку [Абрамов, 2015].

В 1990-х гг. произошел слом совхозной системы с ее организацией содержания коралей и забойных пунктов, сбыта и реализации продукции, вакцинации оленьего поголовья, снабжения и оплаты труда оленеводов. Как и в других российских оленеводческих регионах, пришедшие на смену ликвидированным оленеводческим совхозам сельскохозяйственные производствен-

ные кооперативы «Тундра» (с. Ловозеро) и «Оленевод» (с. Краснощелье) с трудом встраивались в процесс «рыночной реставрации». В отличие от Ямала на Кольском полуострове произошло не наращивание, а сокращение оленного поголовья, что значительно уменьшило нагрузку на пастбища и практически сняло вопрос об угрозах перевыпаса. Частное оленеводство здесь не сформировалось, поскольку численность личного поголовья была лимитирована уставами оленеводческих кооперативов (75–100 голов на одного пастуха). В этих условиях частная продажа продукции оленеводства работниками кооперативов была ограничена, прибыль обеспечивалась за счет разнообразия ассортимента (мясо, камусы, шкуры, панты, рогами) и относительной близости рынков сбыта [Кочевники Арктики..., 2015, с. 114–123].

Несмотря на масштабные изменения, кольские оленеводы и сегодня довольно гибко, в зависимости от обстоятельств, используют преимущества обеих — ижемской и саамской — систем выпаса оленей. В кооперативе «Тундра» и «Оленевод» сочетают саамский полувольный выпас с июня по ноябрь в тундровой зоне и управляемый коми-ижемский выпас с декабря по март в лесотундровой зоне. Установленные на границе природных зон широтные изгороди контролируют этот «переход», обеспечивая остановку и сбор стада, мигрирующего от Баренцева моря на юг. Снегоходы позволяют вахтовым методом с опорой на базы и избы осуществлять летний контроль за стадом, его сбор в осенний период и окарауливание в зимний. В бригадах оленеводческих предприятий доминируют ижемцы, продолжающие традиции многооленного товарного «тундрового капитализма», включающего эффективное воспроизводство поголовья, рациональный пастбищеоборот, разветвленную торговлю, совмещение производственных задач и персональных интересов [Головнев и др., 2018, с. 269, 278–304].

Весь этот внушительный комплекс советских и постсоветских трансформаций привел к утрате многих традиционных технологий и приемов выпаса, к изменению популяционного состава, структуры и организации стада, его поведенческих характеристик. Исследователи настаивают на том, что современное оленеводство Кольского полуострова, осуществляемое в основном в рамках крупных предприятий, где работают как ижемские (почти все пастухи СХПК «Оленевод» и 50 % СХПК «Тундра»), так и саамские (50 % СХПК «Тундра») оленеводы, «не имеет смысла делить на саамское и ижемское» [Konstantinov, Vladimirova, 2006, с. 174; Konstantinov, 2015, с. 560; Истомин, 2017, с. 18], и, поскольку и традиционное саамское, и традиционное ижемское претерпели глубокие изменения, в этой ситуации следует говорить о кольской технологической системе оленеводства, не выявляя этнических черт [Истомин и др., 2017]. Вместе с тем некоторая этническая специфика в этом глубоком оленеводческом миксе пока еще прослеживается, хотя во многом уже только в воспоминаниях старых оленеводов.

Олень и этничность

Местную, «лопарскую породу», или «дикейку», кольские оленеводы отличают от иных пород: и от дикаря, и от «пришлого» одомашненного оленя. У оленей этой масти тело и шея длинные, ноги тонкие и высокие, зад круглый, шерсть гладкая «красная» (светло-коричневая), режа — серая или белая (рис. 2). Саами ценят оленя лопарской породы более других за быстрый ход. По их мнению, лопарский олень свободолюбив и если потеряется, то непременно вернется в стадо через год-другой. Эти отличительные экстерьерные и поведенческие характеристики лопарского оленя в ярких выражениях были описаны В.В. Чарнолуским: «истинно дикарского роду», «ход у него быстрый, в работе горяч и поэтому летом возить сани по земле не может», он менее «ручной», чем олень самоедской породы, ему «нужна вольная жизнь». По преданию, чтобы не стеснять оленью «вольность», пастухом «особого оленьего божества» всем лопарям была запрещена пастыба оленьих стад летом [Чарнолуцкий, 1930а, с. 24–25].

Так называемая «черная масть», или, как ее еще именуют, «печорская»/«самоедская», была приведена на Кольский полуостров ижемцами и ненцами. По мнению саамов, олени этой породы «не имеют выраженного характера», или, как писал тот же Чарнолуцкий, — «своей физиономии и индивидуальности». Вместе с тем уже в 1920–1930-х гг. лопарские стада на 1/5 состояли из оленей черной масти и значительного числа оленей смешанной, лопарско-самоедской, породы [Чарнолуцкий, 1930а, с. 24–25]. Тем не менее и в сегодняшнем диалоге оленевода-саами и оленевода-ижемца прослеживаются явные предпочтения.

А.Ф. Лукин (саами, 1937 г.р., бывший бригадир 3-й бригады колхоза «Вперед»):

«Дикейка — это коми название, а масть чисто лопарская. Она более светлая, более крупная. Я был в Швеции, там большинство оленей дикейской масти, но их олень намного мельче нашего. А черную масть (прямо как цыгане!) коми пригнали с востока. Были и другие масти, но их повывели. Ворончане (бывшие

5-я и 10-я бригады совхоза «Доброволец», базировавшегося в селе Воронье.— Е. П.), например, держали особую масть, которую из-за длинной шерсти прозвали “медведь”. А сейчас все перемешалось. Чистая масть встречается редко, потому что тащат на забой что под руку попадет. Белый и приметный (с пятном на боку, например) или дикейской масти — оставляй, таких легко отследить».

Рис. 2. Лопарский олень (детский рисунок) [Чарнолуцкий, 1930а, с. 31].
Fig 2. Loparskaya reindeer (the child's drawing).

В.К. Филиппов (коми-ижемец, 1966 г.р., начальник левого крыла СХПК «Тундра»):

«Оленеводческую культуру на Кольский полуостров принесли коми. Саамы-то раньше за дикими стадами ходили. Дикари кочуют — лопари следом идут. И мясо рядом, и рыбка...

Дикого оленя издали видно. У него цвет шерсти другой и шея длинная. Голову вверх поднимает и сразу убегает... У саамов же преобладала *дикейка* — местный олень красной масти. Помнишь, Гаврилка, как твой брат Боря любил *дикейку*? Он не просто так ее любил. Олень этот крупный, ход у него быстрый. Свой характер у него есть, да? Но я не люблю *дикейку* — своенравный олень. Мы стараемся ее вывести, у нас *печорская порода* преобладает, черная масть. Белые и пестрые — это тоже *печора*.

В 9-й бригаде раньше держали чисто саамскую породу. Были у них еще *пыжымылы* — пестрые длинноволосяные быки, очень крупные. Ижемцы четверку или пятерку оленей запрягали, а девятистадники на двойках ездили. Олени у них большие, как лошади... Пастухи “девятки” получали очень хорошие деньги с забоя».

По наблюдениям В.В. Чарнолуцкого, лопари довольно быстро перешли на ижемскую круглогодичную систему выпаса стад. Хотя, как они считали, такая система лишала оленя свободы. Вытеснение саамского ижемским, смешение саамского и ижемского в кольском оленеводстве происходило и происходит не только на уровне борьбы за «красную» или «черную» масти. Так или иначе эти процессы можно наблюдать во всех сферах оленеводческой культуры — будь то транспорт (рис. 3), жилище, одежда и язык. Как отмечают саами-оленеводы, особенно активно вытеснение саамского языка из оленеводческой среды происходило в смешанных, т.е. ижемско-саамских, бригадах, а также в саамских бригадах, где бригадирами назначались коми-ижемцы. Сегодня даже местные (саамские) топонимические названия практически повсеместно заменены ижемскими.

А.Ф. Лукин (саами, 1937 г.р., бывший бригадир 3-й бригады колхоза «Вперед»):

«Коми-технология выпаса отличалась от нашей. У них более жесткая технология, стадо держат более скудно. Это выбивает кормовую базу, и олени не так упитанны, как на воле. У нас-то полувольный выпас, мы и зимой более вольно стада держали. Нынче от саамского оленеводства практически ничего не осталось. Теряем все — дикарскую масть, культуру, язык... Раньше левое крыло — это чисто саамские бригады, коми почти не было. Когда проходили коральные работы, клейма и масть — все по-саамски кричали, а сейчас только по-коми. Переход с языка на язык произошел после перестройки (этот бардак никого не обошел стороной, в том числе и наше оленеводство!). Но началось все еще в семидесятых годах, когда бригадирами стали назначать ижемцев. Они все в оленеводстве на коми лад переделали: клейма кричат на коми, многие географические названия сейчас существуют только на коми, на саамский язык уже никто не хочет вернуться».

Трансформация традиционных технологий и приемов выпаса оленей на Кольском полуострове...

А.Н. Юрьева (саами, 1934 г.р., пенсионерка, бывшая чумработница 6-й бригады колхоза «Тундра»):
«В 4-й и в 6-й бригадах общались только по-саамски. 7-я бригада была смешанная, там и по-коми, и по-саамски говорили. Сейчас мало кто из молодых по-саамски знает. Но я и сейчас дома я с детьми только по-саамски говорю, так как-то быстрее соображаю...».

Рис. 3. Оленевод-саами на ижемской упряжке. Ловозерская тундра. Фото Ю.С. Коньковой, 2015.

Fig 3. Sami reindeer herder on the Izhma sled. Lovozero tundra. Photo by J.S. Konkova, 2015.

Олень и география

В 1970-х гг. оленеводческие хозяйства Кольского полуострова вернулись к полувольному летнему выпасу стад. При этом срок «вольного» пребывания оленей в приморских тундрах постепенно увеличился — с двух месяцев до пяти. В постсоветское время такая свобода обернулась немалыми потерями поголовья из-за отстрела домашних оленей браконьерами. Вероятно, отсюда особая ностальгия старшего поколения по временам, когда стада круглый год «держали в руках». Но в бригадах даже при нынешней *вахтовой* схеме окарауливания не «хватает рук», поскольку число пастухов ежегодно сокращается. Отсутствие постоянного контакта оленевода со стадом сказывается на численности, на поведенческих моделях и характеристиках оленного поголовья.

А.Ф. Лукин (саами, 1937 г. р., бывший бригадир 3-й бригады колхоза «Вперед»):

«В наши времена летовали на Вайкис-вун и Сыд-вей... Наша база с основательными постройками была поставлена в 1967 г. Зимой туда завозили строй материалы и продукты. Женщины, начиная с 1970-х гг., когда базы появились, перестали кочевать: в апреле их увозили на базу, а в декабре привозили обратно в поселок. С собой даже овец брали, в поселке-то не оставишь. А до этого чумами кочевали с семьями, как табор цыганский. Но на юг, на зимние пастбища, мужчины ходили без женщин. Посменно в горах жили. Но это уже когда совхоз был. Зимой женщины работали в пошивочной мастерской, а мужчины на пастбищах посменно жили в *куоксах* (переносное каркасное жилище наподобие чума. — *Е. П.*). На отеле 1,5 месяца мужчины тоже в *куоксах*. Между сменами можно было и до базы съездить, расстояние не очень большое, 10–15 км. А вот к морю, конечно, хозяйством ходили, тогда стадо-то было круглый год под руками. Пастухи, что на самое побережье шли, тоже с собой *куоксы* брали. Ездовых оленей можно было в любой момент отловить. А сейчас стадо собрать невозможно. Олени слишком долго на воле, пять месяцев (в начале июня отпускают и со снегом, в октябре, собирают), а раньше самое большое — два с половиной месяца стадо без пастуха».

В.Г. Хатанзей (ненец, 1966 г.р., рабочий оленцега, бывший оленевод 8-й бригады правого крыла СХПК «Тундра»):

«Финны рассказывали, что уже лет тридцать стада собрать не могут, после того как полувольный выпас ввели. Мы тоже в семидесятых годах на полувольный выпас перешли, но я-то помню, как в руках держали круглый год. Стада были более смирные, пастуха знали. В руках держать, конечно, надежнее».

Исследуя эту ситуацию, К.В. Истомина приходит к выводу, что модель поведения оленя как наследуется, так и приобретает (формируется и видоизменяется под влиянием внешних факторов, таких как изменение окружающей среды, воздействие человека и пр.). Поведенческие традиции оленя весьма устойчивы: выросшие в различных технологических системах оленеводства олени ведут себя по-разному, «с нарушением механизма передачи поведенческой традиции (из-за смешения между собой животных с разными моделями поведения молодое поколение оленей оказывается не в состоянии усвоить определенную поведенческую традицию)».

Человек и олень сохраняют «высокий уровень адаптивности друг к другу», отношения их динамично-пластичны (изменение поведения стада ведет за собой изменение поведения пастуха, и наоборот), на этом основываются используемые оленеводами приемы поиска и сбора оленьих стад, стратегии и технологии выпаса в разные периоды годового цикла. Разрушение поведенческих традиций стада (оленя) затрудняет многие оленеводческие операции [Истомин, 2017].

Структурные переформатирования оленеводческих хозяйств в постсоветское время, в ходе которых в одном стаде оказались олени не только из разных бригад, но и разных оленеводческих предприятий, обладавшие разными поведенческими моделями и ориентированные на разные локальные природно-ландшафтные условия, сыграли заметную роль в изменении поведенческих характеристик оленного поголовья. По этому поводу старые оленеводы сетуют, что «стада испорчены» и «олени географию не держат».

А.Ф. Лукин (саами, 1937 г.р., бывший бригадир 3-й бригады колхоза «Вперед»):

«Почему сейчас олени географию (землю) не держат? Стада нынче испорчены — смешанные из разных бригад и даже совхозов. Олени-то становятся как блудные, они не знают своих маршрутов миграций. Важенка с одной бригады, а в стаде олени с другого крыла. Важенка со стадом уходит, а ее теленок после клеймения без матери остается. Раньше-то оленят клеймили возле матери, такой не пойдет гулять на другую землю, ему уже природой определено, по какому маршруту следовать. Это так же как семгу искусственно оплодотворяют, а затем мальков пускают, но из них только единицы приходят обратно, они все блудные. Так и олени...».

Олень, собака и снегоход

Многие традиционные технологии и приемы выпаса основаны на природных инстинктах оленя. Так, ориентируясь на инстинктивное вращение стада в случае опасности, кольские оленеводы умели «крутить стадо». Закручивание, или так называемая *вольная тандара*, использовалось для отлова быков на упряжки и молодняка во время маличных забоев. «На вольной» в одной связке работали человек, собака и оленья упряжка (позже — снегоход). Стадо намеренно загоняли на открытое возвышенное место, закручивали, а затем необходимое количество оленей отлавливали арканами. Собаки и упряжки удерживали стадо, не позволяя оленям вырваться за пределы круга.

В.Г. Хатанзей (ненец, 1966 г.р., рабочий оленцефа, бывший оленевод 8-й бригады правого крыла СХПК «Тундра»):

«Раньше пойдут к морю, оленей закрутят, арканами выловят быков, упряжки уже есть... Зимой тоже на гору загонят и закрутят — *вольная тандара*, без ограждений. Закрутил-закрутил и лови: внутрь круга пара человек заходит и арканит. С внешней стороны стоят два-три человека с собаками. Олени-то наши раньше собачек слушались. А сейчас попробуй так закрутить».

А.Ф. Лукин (саами, 1937 г.р., бывший бригадир 3-й бригады колхоза «Вперед»):

«Раньше оленей не загоняли в проволоку и в корали, обычно на *вольной* ловили — выбирают гору плоскую, чтобы на вершине можно было крутить оленей собачкой или упряжкой, если снег есть — снегоходом. Два-три человека ловят, два-три на обороне стоят. Если олень выбегал из круга, пускали собаку. Оленевод без собаки — это только пятьдесят процентов оленевода. Сейчас стада не могут крутиться, отучены от этого, их невозможно собрать, невозможно на упряжку оленей ловить...».

Ныне все работы с оленним поголовьем (клеймение, просчет, кастрация, отделение забоя, вакцинация) проводятся исключительно в проволочных *тандарах* (специальных обнесенных проволочным ограждением местах) или коралях (стационарных ограждениях с загонными «крыльями», системой рабочих камер, бригадных и забойных отсеков, просчетной вышкой). Их строительство и обслуживание требуют особых знаний и навыков. Для сооружения коралья на базе Помосе начальник левого крыла кооператива «Тундра» В.К. Филиппов специально приглашал стариков, но даже под их руководством правильно поставить ограждение получилось не с первого раза — «не шли олени в кораль».

В.К. Филиппов (коми-ижемец, 1966 г.р., начальник левого крыла СХПК «Тундра»):

«Раньше у каждой бригады было несколько *тандар*. Функционально они отличались: в одной маличный забой проходил, в другой — кастрация. Правильно найти место и поставить *тандару* — большое искусство. Я специально привозил стариков, чтобы смотрели, какие крылья делать, где расширить. Бывает, сделал *тандару*, а олени туда не идут».

Работа в *тандаре* и корале также требует особого умения.

А.Ф. Лукин (саами, 1937 г.р., бывший бригадир 3-й бригады колхоза «Вперед»):

«Сегодня многие оленеводы даже аркана не имеют, не то что собаку приучить. В *заборе* (корале. — Е. П.) и то поймать оленя не могут. Позор! В старое время пацаны на баранах учились арканы бросать. Наши олени

Трансформация традиционных технологий и приемов выпаса оленей на Кольском полуострове...

мощнее финских. Кольскую трехлетку попробуй побороть, а я легко брал — за рог и на лопатку. А сейчас молодые пастухи теленка вдвоем держат, когда рога пилят, а он их таскает как дохлых лохов. За челюсть и за рог надо брать, а крупного — за челюсть и за пах. Когда эти все коммерческие дела начались, новые русские покупали оленей, думали все просто, стадо как овечки, чего не ловить-то. До смешного доходило — 1-я бригада как-то нанимала умельцев из 8-й бригады ловить быков, чтобы на период отела набрать упряжки».

К утрате многих традиционных технологий и приемов выпаса причастен снегоход. Сегодня использование оленьей упряжки кольскими оленеводами сократилось до одного месяца в году. Оленей запрягают ранней осенью и поздней весной, когда мало снега и движение на снегоходах невозможно. Появившись на Кольском полуострове в 1970-х гг., снегоход почти полностью заменил оленью упряжку и все более активно вытесняет собаку-оленегонку (рис. 4).

С.Н. Галкин (саами, 1944 г.р., пенсионер, бывший оленевод 4-й бригады колхоза «Тундра»):

«В совхозных хозяйствах оленей к морю стали отпускать еще в конце шестидесятых... Через день на смену ходили. Сентябрь — октябрь на упряжках, пока болота и озера не застынут. На оленях хорошо, стадо не так пугается. Потом до весны, пока снег не начнет таять, стадо на *буранах* (снегоходах «Буран». — Е. П.) держали».

А.Ф. Лукин (саами, 1937 г.р., бывший бригадир 3-й бригады колхоза «Вперед»):

«Пастухов осталось мало, а опытных тем более. Сейчас большинство пастухов пасут оленей в тундре снегоходом, обученных собак не найти. На снегоходе объехал стадо кругом, и собаку пускать не надо».

Рис. 4. Движение оленьего стада. Ловозерская тундра. Фото А.В. Головнева, 2015.

Fig. 4. Moving of the reindeer herd. Lovozero tundra. Photo by A.V. Golovnev, 2015.

Оленья беспризорность и приемы контроля за стадом

Уход из оленеводческих практик традиционных технологий и приемов выпаса повлиял на поведенческие характеристики и организацию стада. Особую роль в этом сыграли изменения в проведении кампании отела и клеймения (конец апреля — май). Традиционное клеймение «из-под важенки» и «из-под хоря», как поясняют старики, обеспечивало совместное пребывание телят и важенок в течение года, практически до появления нового приплода. Переход на клеймение в проводочных *тандарах* и коралях разорвал эту связь и привел к заметным потерям молодняка.

А.Н. Юрьева (саами, 1934 г.р., пенсионерка, бывшая чумработница 6-й бригады колхоза «Тундра»):

«Раньше-то уже в марте прекращали гонять стадо собаками, чтобы выкидышей не было. А сейчас важенок стельных в кораль загоняют, где это видано! Бригада жила в чуме при стаде.

Бригадир следит за клеймением, весь день на ногах. Клеймили строго около матери. Падежу было намного меньше. Молодые пастухи вечером сядут чай пить, «срезанные ушки» (фрагмент уха при вырезании фигурной метки. — Е. П.) считают, у кого больше. Ушки в кармане носили, старались не терять».

Традиционная технология клеймения новорожденных телят в нынешних условиях нехватки пастухов невозможна, но в воспоминаниях старшего поколения она рисуется как главный регулятор весеннего прироста стада.

Перевалова Е.В.

А.Ф. Лукин (саами, 1937 г.р., бывший бригадир 3-й бригады колхоза «Вперед»):

«Раньше клеймили *из-под важенки* и *из-под хорея*. Маточное стадо выпускали кормиться... Оно, как якорь, тяжелое, быстро двигаться не может. Кормежка 3–4 часа, затем олени ложатся часа на четыре. На смене 2–3 человека, один *перед* стада караулит, другой *сзади* идет, где молодой родится. После очередной лежки *перед* стада отпускают. Родившие за время отдыха важенки с телятами остаются на месте, а основное поголовье уходит вперед. В это время пастух идет или едет на упряжке и режет уши. Которые шустрые оленята, вскочат, его хореем к земле придавят и клеймят. По важенке режут уши.

В совхозное время после отела загоняли в проволочную *тандару* и там клеймили. Сразу новорожденных телят клеймили, чтобы другие не пометили. Принцип действовал — кто собрал, того и телята, постоянные трения из-за этого с соседями происходили. Можно у соседа прибрать — одна бригада сильная, другая слабая, первый перехватил и за счет соседа стал передовиком, а руководству только бы план был. А сегодня другой подход: у нас Филиппов дирижирует, чтобы у бригад телят вровень было».

С.Н. Галкин (саами, 1944 г.р., пенсионер, бывший оленевод 4-й бригады колхоза «Тундра»):

«Клеймили *из-под хорея* и *из-под важенки*. Важенка своего теленка знала, он всегда при матери, куда она, туда и теленок. Такой теленок сто процентов выживет. Зимой мать и снег для него разроет, чтобы легче до ягеля добраться. Теленок возле матери кушает. В *тандаре* клеймят сначала одной бригаде, потом другой, без разбора, чей теленок, от какой важенки. Важенка уже за 30 км ушла, а теленок здесь как беспризорный, всю зиму без матери».

Г.Е. Кирилов (саами, 1944 г.р., оленевод 6-й бригады левого крыла СХПК «Тундра»):

«До 1991 года телят клеймили *из-под хорея* и *из-под важенки*. Потом был перерыв в 10 лет, клеймили только осенью, после сбора стада. Лучше сразу клеймить, при матери. Рядом с матерью большее выживание. В *тандаре* уже не узнаешь, чей теленок, кто хозяин».

Утрата традиционных технологий и приемов выпаса в определенном смысле обезличила стадо. В упомянутых работах Чарнолуского, например, говорится о разделении стада по половозрастному, «производственному» и «религиозному признакам», а также о типичных «олених личностях» [1930а, с. 45–46, 48–49, 53–57]. А «личность» — это не только, как говорят старики, важенка, хорошо знающая тундру и ведущая стадо, «куда память держит», и не только «приметные» олени или «олени, идущие обыкновенно вперед или сзади стада», по присутствию которых опытные оленеводы определяют, что все стадо в сборе. Тут и «хлебобеды» (прикормленные, прирученные к хлебу), и «ручные» (прирученные, не боящиеся человека), и «колоколовые» (вожаки, на которых надевается нашейный колокол-ботало) — особая когорта, игравшая важную роль в общем контроле за движением стада (рис. 5).

Рис. 5. Приметные олени (колоколовый и белошерстный). Ловозерская тундра. Фото А.В. Головнева, 2015.
Fig. 5. Notable reindeers (with the bell and with the white skin). Lovozero tundra. Photo by A.V. Golovnev, 2015.

Трансформация традиционных технологий и приемов выпаса оленей на Кольском полуострове...

А. Ф. Лукин (саами, 1937 г.р., бывший бригадир 3-й бригады колхоза «Вперед»):

«У нас-то очень много было хлебоедных быков. Это тоже труд. Пастухи знали, кто из оленей в их стаде обычно впереди идет, а кто сзади, если эти олени на месте, значить, стадо в сборе. А сейчас олени слишком долго на воле (в начале июня отпускают, а собирают только снегом, в октябре), пять месяцев, а у нас самое большое — два с половиной».

Традиционные навыки выпаса теряют и стадо, и оленеводы. Например, один из утраченных ныне способов ведения стада, так называемое хоканье, требовал особой сноровки пастуха и выучки оленя.

В. Г. Хатанзей (ненец, 1966 г.р., рабочий оленцега, бывший оленевод 8-й бригады правого крыла СХПК «Тундра»):

«Раньше олени знали человека, много смирных было, а потом стали в забой бить всех без разбора, выбили смирных-то, остались полудикие. На упряжке, особенно после лета, подъезжаешь к стаду, а олени врассыпную. День-другой поводишь, только потом чуть привыкают. Старики, чтобы вести стадо, *хокали* — привязывали смирного быка на длинную веревку к упряжке и вели. Следом, смотришь, одна важенька пошла, вторая... Мы как-то попробовали — не получилось».

С. Н. Галкин (саами, 1944 г.р., пенсионер, бывший оленевод 4-й бригады колхоза «Тундра»):

«Для ведения стада использовали особый прием — *хоканье*. К упряжке привязывали быка. Пастух медленно начинал движение и покрикивал: “Хок, хок”. Все стадо поднималось за ними следом. С *пятки* (сзади. — *Е. П.*) стадо собака или другая упряжка гонит. У меня один такой олень был. Таким же образом стадо в кораль загоняли. А сейчас все нахрапом, снегоходом гонят. Без снегохода молодые пастухи работать не будут. Олени одичали. Все погубили. Старики уйдут и не будет оленеводства».

Изменения системы кольского оленеводства, произошедшие вследствие срастания привнесенной самоедско-ижемской кочевой культуры с саамской полукочевой «избной», а затем советской колхозно-совхозной трансформации традиционного оленеводческого хозяйства и развертывания «снегоходной революции», привели к утрате многих традиционных технологий, приемов выпаса и контроля, изменению популяционного состава, структуры и организации стада, его поведенческих характеристик. Особенно глубокое воздействие процессы трансформации оказали на традиционную саамскую оленеводческую культуру, практически разрушив ее, что сегодня вызывает болезненные воспоминания и реакции ее последних носителей. Традиции безвозвратно уходят: старые оленеводы сетуют, что «стада испорчены», «олени географию не держат», ушли в прошлое «клеймение из-под важенок» и «клеймение из-под хороя», «вольные тандары» и «хоканье», молодые пастухи «собаками работают мало» и «скоро арканы бросать разучатся». Вытеснение саамской составляющей продолжается на уровне предпочтения разводимых «пород» оленя, ухода саамского языка и саамской топонимии из оленеводческой среды.

Хотя возвращение к полувольному выпасу стад и переход к вахтовой схеме окармливания оленного поголовья в постсоветское время дали возможность экономически возродиться оленеводческой отрасли и способствовали более комфортному образу жизни оленеводов, оленеводство ныне не считается престижной профессией среди молодежи, как это было в период расцвета колхозов и совхозов. Бригады вынуждены объединять стада, чтобы оптимизировать трудозатраты, пренебрегая традиционными технологиями и приемами выпаса («в общем, не до стариковских методов!»). «А оленеводство — дело тонкое, — считает Игорь Степанович Чупров, работающий в оленеводческой бригаде с 14 лет. — Кому-то суждено Богом знать оленей, кому-то нет: Бог дал знать, и знаешь, а другой оленевод всю жизнь проработал, но так и не понял оленя». Будучи на пенсии, он продолжает работать пастухом в оленеводческой бригаде СХПК «Тундра» и очень переживает, что его сын «отказался от оленеводства» и уехал из Ловозера, хотя, по словам заслуженного оленевода, «на Празднике Севера он всегда занимал призовые места». В оправдание такого выбора старик добавляет, что, оставив родные места, его сын «постоянно смотрит новости про оленеводов в Интернете, переживая за пастухов и оленей».

Финансирование. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 18-18-00309).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Абрамов И. В. Оленеводы Кольской тундры: Локальные особенности снегоходной революции // УИВ. 2015. № 2 (47). С. 26–32.

Брокмейер Й., Харре Р. Нарратив: Проблемы и обещания одной альтернативной парадигмы // Вопросы философии. 2000. № 3. С. 29–42.

Перевалова Е.В.

- Головнев А.В.* Кочевье, путешествие и нео-номадизм // УИВ. 2014. № 4 (45). С. 121–126.
- Головнев А.В., Куканов Д.А., Перевалова Е.В.* Арктика: Атлас кочевых технологий. СПб.: МАЭ РАН, 2018. 352 с.
- Истомин К.В.* Кочевая мобильность коми-ижемских оленеводов: Снегоходная революция и рыночная реставрация // УИВ. 2015. № 2(47). С. 17–25.
- Истомин К.В.* О динамике культуры оленей на Кольском полуострове // УИВ. 2017. № 2(55). С. 16–24.
- Истомин К.В., Лискевич Н.А., Уляшев О.И.* Коми-ижемское оленеводство: Этнические инварианты и локальные традиции // Вестник антропологии, археологии и этнографии. 2017. № 4 (39). С. 114–125.
- Клоков К.Б., Хрущев С.А.* Этноэкологическая оценка устойчивости традиционного оленеводческого хозяйства Мурманской области // Известия Санкт-Петербургского государственного аграрного университета. 2013. № 32. С. 200–204.
- Конаков Н.Д.* Становление крупнотабунного оленеводства на Кольском полуострове // Традиции и современность в культуре сельского населения Коми АССР. Труды ИЯЛИ. Сыктывкар: Коми филиал УрО РАН СССР, 1986. Вып. 37. С. 42–56.
- Конаков Н.Д., Котов О.В.* Этноареальные группы коми: Формирование и современное этнокультурное состояние. М.: Наука, 1991. 232 с.
- Конаков Н.Д., Котов О.В., Рочев Ю.Г.* Ижемские коми на Кольском полуострове. Серия претендентов «Научные доклады». Вып. 99. Коми филиал АН СССР, 1984. 52 с.
- Кочевники Арктики: Текстово-визуальные миниатюры / А.В. Головнев, Е.В. Перевалова, И.В. Абрамов, Д.А. Куканов, А.С. Рогова, С.Г. Усенюк.* Екатеринбург: Альфа Принт, 2015. 142 с.
- Лашук Л.П.* Очерк этнической истории Печорского края: Опыт историко-этнографического исследования. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1958. 199 с.
- Лукьянченко Т.В.* Материальная культура саамов Кольского полуострова конца 19 — 20 вв. М.: Наука, 1971. 167 с.
- Харузин Н.Н.* Русские лопари: (Очерки прошлого и современного быта). М.: Известия ИОЛЕАЭ, 1890. 472 с.
- Хомич Л.В.* Саамы. Сер. Народы Севера и Дальнего Востока. СПб.: Просвещение, 1999. 92 с.
- Чарнолуцкий В.В.* Заметки о пастьбе и организации стада у лопарей // Кольский сборник: Труды антрополого-этнографического отряда Кольской экспедиции. Материалы коми экспедиционных исследований. Сер. Северная. Л.: Изд-во АН СССР, 1930а. С. 23–70.
- Чарнолуцкий В.В.* Материалы по быту лопарей: Опыт определения кочевого состояния лопарей восточной части Кольского полуострова. Л.: ГРГО, 1930b. 176 с.
- Konstantinov Y.* Conversations with Power: Soviet and post-Soviet developments in the reindeer husbandry part of the Kola Peninsula. Uppsala: Uppsala University, 2015. 417 p.
- Konstantinov Y., Vladimirova V.* The Performative Machine: Transfer of Ownership in a NW Russian Reindeer Herding Community (Kola Peninsula) // Nomadic Peoples. New Series. Vol. 10. № 2. 2006. P. 165–185.

Perevalova E.V.

Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (the Kunstcamera) of the RAS
Universitetskaya Naberezhnaya, 3, St. Petersburg, 190034, Russian Federation
E-mail: Elena_Perevalova@mail.ru

**Transformation of traditional reindeer herding technologies and pasturing practices
on the Kola Peninsula in the 20th — early 21st century**

The purpose of the article is to give an accent presentation of the transformation of technologies and techniques of reindeer grazing and value attitudes of the Kola reindeer herders in the 20th — early 21st century from an ethno-cultural perspective. The paper is based on the materials of the 2018 expedition to the Kola Peninsula. On the basis of using a system-analytical approach, the paper is structured as a narrative discourse, where the “floor” is given to the Kola reindeer herders themselves. As the studies show, the changes in the Kola reindeer husbandry brought about by the merger of the nomadic Samoyed-Izhem Culture, introduced to the Kola peninsula in the late 19th — early 20th century, with the semi-nomadic “cabin” Saami herding style, as well as by the Soviet period collective and state farm transformation of the traditional reindeer husbandry and the unfolding “snowmobile revolution” (the use of the reindeer sled has been reduced to one month in a year), have led not only to the loss of numerous traditional reindeer herding technologies, pasturing practices and herd control, but also to significant changes in the population composition, structure, and organization of the behavioral characteristics of the herds. Today, the Komi-Izhem reindeer husbandry is dominant in the Kola region. However, despite the major changes, the Kola herders are still quite flexible in using, depending on the circumstances, the advantages of both the Izhem and the Lapp reindeer husbandry systems. The return to the semi-free herds ranging practices and transition to rotational organization of reindeer herd tending in the post-Soviet period stimulated the economic revival of the herding industry and added more comfort to the reindeer herders' lifestyle, although the reindeer herding is not considered a prestigious occupation among young people. Rethinking the older generation's life

experiences, together with the more critical perception of today's realities, is an indication of changes within the system of ethnic values, which formerly, in a sense, supported both the individual and collective identities of the Saami and Komi-Izhem ethnies. The transformation processes have had a particularly profound impact on the traditional Saami reindeer culture, almost destroying it, which causes painful memories and reactions of its last bearers. Displacement of the Lapp component is carried forward in the choice of preferred deer breeds and disappearance of the Saami language and Saami toponymy from the reindeer herding context.

Keywords: reindeer herding, Saami (Lapps), Komi-Izhem, Kola Peninsula, technologies, traditions, novations, the late 19th — early 20th century.

Funding. This work was supported by the grant from the Russian Science Foundation (project No. 18-18-00309).

REFERENCES

- Abramov, I.V. (2015). Reindeer herders of Kola Peninsula: Local peculiarities of the snowmobile revolution. *Uralskiy istoricheskiy vestnik*, 47(2), 26–32. (Rus.).
- Brokmeier, I., Kharre, R. (2000). Narrative: Problems and Promises of an Alternative Paradigm. *Voprosy filosofii*, (3), 29–42.
- Charnoluskii, V.V. (1930a). Notes on grazing and organization of herds of the Lapps. In: *Kol'skii sbornik: trudy antropologo-etnograficheskogo otriada Kol'skoi ekspeditsii. Materialy komi ekspeditsionnykh issledovani. Seriya Severnaia*. Leningrad: Izdatel'stvo AN SSSR. (Rus.).
- Charnoluskii, V.V. (1930b). *Materials on the life of lapps. Experience in determining the nomadic state of lapps in the eastern part of the Kola Peninsula*. Leningrad: GRGO. (Rus.).
- Golovnev, A.V. (2014). Migration, Travel, and neo-nomadizm. *Uralskiy istoricheskiy vestnik*, 45(4), 121–126. (Rus.).
- Golovnev, A.V., Kukanov, D.A., Perevalova, E.V. (2018). *Arctic: Atlas of Nomadic Technologies*. St. Petersburg: Muzei antropologii i etnografii RAN. (Rus.).
- Golovnev, A.V., Perevalova, E.V., Abramov, I.V., Kukanov, D.A., Rogova, A.S., Usenjuk, S.G. (2015). *Nomads of the Arctic: Text and visual miniatures*. Ekaterinburg: Alfa Print. (Rus.).
- Haruzin, N.N. (1890). *Russian Lapps (Essays on the past and modern life)*. Moscow: Izvestiia IOLEAE. (Rus.).
- Istomin, K.V. (2015). Nomadic mobility of Izhma-Komi reindeer herders: Snowmobile revolution and market restoration. *Uralskiy istoricheskiy vestnik*, 47(2), 17–25. (Rus.).
- Istomin, K.V. (2017). On the dynamics of reindeer culture on the Kola Peninsula. *Uralskiy istoricheskiy vestnik*, 55(2), 16–24. (Rus.).
- Istomin, K.V., Liskevich, N.A., Ulyashev, O.I. (2017). Komi-Izhma reindeer herding: Ethnic invariants and local traditions. *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii*, 39(4), 114–125. (Rus.).
- Khomich, L.V. (1999). Sami. Series "Peoples of the North and Far East". St. Petersburg: Prosveshchenie. (Rus.).
- Klovov, K.B., Khrushchev, S.A. (2013). Ethno-ecological assessment of the sustainability of the traditional reindeer husbandry of the Murmansk region. *Izvestiia Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta*, (32), 200–204. (Rus.).
- Konakov, N.D. (1986). The rise of large-herd reindeer herding on the Kola Peninsula. In: *Traditsii i sovremennost v kulture selskogo naseleniya Komi ASSR*, 37. Syktyvkar: Komi filial UrO AN SSSR, 42–56. (Rus.).
- Konakov, N.D., Kotov, O.V. (1991). *Ethnoareal groups of Komi: Their formation and modern ethnic and cultural situation*. Moscow: Nauka. (Rus.).
- Konakov, N.D., Kotov, O.V., Rochev, Yu.G. (1984). *Izhma Komi on the Kola Peninsula*, (99). Syktyvkar: Komi filial UrO AN SSSR. (Rus.).
- Konstantinov, Y. (2015). *Conversations with Power: Soviet and Post-Soviet Developments in Thereindeer Husbandry Part of the Kola Peninsula*. Uppsala: Uppsala Universitet. (English).
- Konstantinov, Y., Vladimirova, V. (2006). The Performative Machine: Transfer of Ownership in a NW Russian Reindeer Herding Community (Kola Peninsula). *Nomadic Peoples. New Series*, 10(2), 165–185.
- Lashuk, L.P. (1958). *An essay on the ethnic history of the Pechora region: An attempt of a study in historical ethnography*. Syktyvkar: Komi knizhnoye izdatelstvo. (Rus.).
- Luk'ianchenko, T.V. (1971). *Material culture of the Sami of the Kola Peninsula in the late 19th and 20th centuries*. Moscow: Nauka. (Rus.).

Перевалова Е.В., <https://orcid.org/0000-0002-9480-715X>

This work is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).

Accepted: 27.05.2021

Article is published: 27.08.2021